

УЧАСТНИКИ СААДАБАДСКОГО ПАКТА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (МАЙ – АВГУСТ 1939 Г.)

Настоящая статья является продолжением предыдущих публикаций автора по истории Саадабадского пакта (Ближневосточной Антанты) – региональной политической группировки, созданной в июле 1937 г. представителями Турции, Ирака, Ирана и Афганистана¹. В истории Ближневосточной Антанты наименее изученным является период после ее создания. В данной статье ставится задача показать, в каких условиях действовали и какую политику проводили накануне Второй мировой войны страны, объединенные Саадабадским пактом.

Подписание 12 мая 1939 г. англо-турецкой декларации о взаимопомощи означало определенный успех британской дипломатии в защите интересов Великобритании на Ближнем Востоке. Активно готовилась аналогичная франко-турецкая декларация. Между тем начатые после захвата гитлеровцами Чехословакии англо-франко-советские переговоры о пакте взаимной помощи явно застопорились. В беседе с английским послом в Москве У. Сидсом и поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром, состоявшейся 27 мая 1939 г., нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, в частности, говорил: «Может быть, оба правительства (Англии и Франции. – В. К.), уже заключившие пакты о взаимопомощи между собою, с Польшей и Турцией, считают, что для них этого достаточно. Поэтому, возможно, они и не заинтересованы в заключении эффективного пакта с Советским Союзом»². В целом можно утверждать, что трудный ход англо-франко-советских переговоров и их конечный провал в значительной степени были предопределены взаимным недоверием сторон – СССР и его западных партнеров. Доказательством их взаимного недоверия и одновременно фактором, усиливавшим это недоверие, стало параллельное англо-франко-советским переговорам ведение секретных советско-германских и англо-германских переговоров, начатых в конце мая – июне 1939 г.³ С этого времени в международных делах началась сложная дипломатическая игра с участием очень многих сторон. Параллельное ведение англо-франко-советских, советско-германских и англо-германских переговоров и их содержание оказывали, в частности, соответствующее влияние на ход продолжавшихся советско-турецких, англо-турецких и франко-турецких переговоров, а они, в свою очередь, наряду с другими факторами, влияли на ситуацию в Ближневосточной Антанте.

Своеобразным отражением всей сложности международной ситуации, сложившейся к этому времени, и весьма симптоматичным с точки зрения расстановки некоторых акцентов стал доклад председателя совета народных комиссаров и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова «О международном положении и внешней политике СССР» на сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. Молотов призвал депутатов «помнить выдвинутое т. Сталиным положение: “Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками”». Упомянув далее англо-турецкую декларацию о взаимопомощи, Молотов фактически воздержался от ее оценки, ограничившись фразой, что «и этот факт вносит свое изменение в международную обстановку». В отличие от прежних времен доклад Молотова содержал очень лаконичную и весьма сдержанную оценку состояния советско-турецких отношений. Глава советского правительства ограничился словами о том, что отношения СССР с Турцией «развиваются нормально», а недавняя поездка заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Анкару «с информационными целями» имела «большое положительное значение». В то же время Молотов заявил, что, «ведя переговоры с Англией и Францией, мы все не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия». Он также утверждал, что советское правительство «серьезно относится к таким вещам, как договор о взаимопомощи»⁴.

Подтверждением слов Молотова стали последовавшие вскоре действия советской дипломатии. В новом советском проекте соглашения между СССР, Англией и Францией о взаимопомощи против агрессии, врученном Молотовым послу Великобритании и временному поверенному в делах Франции в СССР 2 июня 1939 г., наряду с другими обязательствами, предусматривалось оказание ими совместно помощи Турции в случае агрессии против нее со стороны европейской державы⁵. 5 июня 1939 г. между СССР и Турцией был произведен обмен письмами о продлении до 7 ноября 1945 г. действия советско-турецкого

¹ См.: Кузьмин В.А. Подготовка и заключение Саадабадского пакта 1937 г.: Страницы истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Екатеринбург, 1992; и др.

² СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.). Документы и материалы. М., 1971. С.418.

³ См.: Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990. Т.1. С.482-483, 518-522; Т.2. С.6-8, 38-40, 65-67, и др.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939. М., 1981. Т.2. С.119-121, 128-129, и др.

⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939. Т.2. С.108, 110, 112.

⁵ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С.432.

договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. и всех последующих протоколов к нему⁶.

Со своей стороны турецкое правительство после подписания англо-турецкой декларации продолжало проявлять заинтересованность в скорейшем заключении англо-советского договора о взаимопомощи. Об этом, в частности, говорил в беседе с померенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым 27 мая 1939 г. турецкий посол в Берлине Х. Арпаг. Посол Турции утверждал, что только соглашение между СССР и Англией о взаимной помощи «устранит опасность войны, которая в противном случае будет неизбежна»⁷. Эту же мысль о необходимости заключения англо-советского соглашения о взаимной помощи высказал через несколько дней в беседе с полпредом СССР в Турции А. В. Терентьевым генеральный секретарь турецкого МИД Н. Менеменджюглу. «Тогда, — сказал он, — для Турции и СССР достаточно будет двух часов, чтобы также заключить соглашение между собой»⁸. Тем самым Менеменджюглу фактически признал, что главным условием достижения эффективного советско-турецкого договора о взаимопомощи является предварительное заключение аналогичного англо-советского соглашения.

Свидетельством дальнейшего развития отношений Турции с Англией стал интенсивный обмен военными делегациями. 1 июня 1939 г. в Лондон прибыла турецкая военная комиссия во главе с генералом Орбаем, 14 июня в Стамбул прибыла из Лондона британская военная миссия во главе с генералом Лундом⁹. 29 мая 1939 г. президент Турции И. Инёню, выступая на съезде правящей народно-республиканской партии, поставил англо-турецкую декларацию в один ряд с Балканским и Саадабадским пактами¹⁰.

В июне 1939 г. вновь возник вопрос о возможности расширения состава участников Саадабадского пакта, в частности, за счет Египта, связанного союзным договором 1936 г. с Англией. 2 июня каирская газета «Аль-Ахрам» сообщила, что 15 июня министр иностранных дел Египта Абдель Фаттах Яхья-паша отправится с официальным визитом в Турцию в ответ на визит турецкого министра иностранных дел Т. Р. Араса в Египет, состоявшийся еще в апреле 1937 г. В сообщении говорилось, что в ходе предстоящего визита будут обсуждаться проблемы Восточного Средиземноморья, интересующие Египет и Турцию, а также «возможность присоединения Египта к Саадабадскому пакту» в соответствии с желанием, якобы высказанным ранее четырьмя странами — членами Ближневосточной Антанты¹¹. Другие египетские газеты стали писать о том, что визит Абдель Фаттаха «находится в тесной связи с недавним англо-турецким соглашением» (декларацией о взаимопомощи от 12 мая 1939 г. — В. К.), что «в Анкаре будет также рассмотрен вопрос об обороне Восточного Средиземноморья и Египта»¹².

В свою очередь итальянская газета «Мессаджеро» опубликовала 7 июня 1939 г. сообщение из Каира, в котором говорилось о сделанном накануне заместителем министра иностранных дел Египта «важном заявлении относительно Саадабадского пакта». Заместитель министра сказал, что распространяются многочисленные слухи о том, что шах Ирана оказывает давление на правительство Египта¹³, чтобы побудить последнее присоединиться к Саадабадскому пакту, и что Египет, наконец, согласился на это. Заместитель министра категорически опроверг слухи «об иранском давлении в отношении присоединения Египта к Саадабадскому пакту»¹⁴. Весьма симптоматичным, однако, было то, что в его заявлении решительно опровергались лишь слухи «об иранском давлении», но не сама возможность присоединения Египта к Саадабадскому пакту.

Появление подобных сообщений вызвало серьезную обеспокоенность итальянской дипломатии. Посланник Италии в Каире Маззолини с тревогой писал в Рим, что предстоящий визит египетского министра иностранных дел в Турцию «не будет простой любезностью, а должен быть соотнесен с недавним англо-турецким соглашением». Маззолини сообщал, что в дипломатических кругах Каира распространились слухи о возможном заключении между Египтом и Турцией пакта о взаимопомощи, аналогичного англо-турецкому. «Утверждают, — писал он, — что Египет был информирован обо всех фазах переговоров, предшествовавших заключению англо-турецкого договора (декларации 12 мая. — В. К.). Если даже переговоры, которые будет вести египетский министр, не преследуют задачу заключить договор, в здешних кругах утверждают, что они заложат основы для заключения англо-турецко-египетского соглашения, ко-

⁶ Документы внешней политики (далее — ДВП). М., 1992. Т.22. Кн.1. С.419-420.

⁷ Там же. С.405.

⁸ Там же. С.429.

⁹ The Times. 1939. 5 June; Turkische Post. 1939. 14 Juni.

¹⁰ Oriente Moderno. 1939. № 6. P.314.

¹¹ Ibid. P.342.

¹² I Documenti Diplomatici Italiani. Ottawa serie (далее — DDI). Roma. 1952. V.12. P.119-120.

¹³ В апреле 1939 г. в Тегеране при участии официальных представителей Египта, Афганистана, Ирака, Турции, СССР, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Японии и других стран состоялись торжества по случаю бракосочетания сына иранского шаха, наследника престола принца Мохаммеда с дочерью короля Египта, принцессой Фавзией, после чего многие дипломаты и журналисты заговорили о международно-политическом значении этого события. См.: Oriente Moderno. 1939. № 5. P.260, 289; Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М., 1989. С.21.

¹⁴ Oriente Moderno. 1939. № 6. P.342.

торое будет окончательно оформлено осенью»¹⁵.

В беседе с итальянским посланником, состоявшейся 7 июня 1939 г., Абдель Фатах отрицал возможность присоединения Египта к Саадабадскому пакту в ходе своего визита в Турцию. Он назвал сообщение «Аль-Ахрам» по этому поводу «чистым вымыслом», так как Египет не заинтересован в участии в этом Азиатском пакте, поскольку не имеет общих границ ни с одной из стран, подписавших этот пакт. Вместе с тем египетский министр иностранных дел заявил, что во время его визита, «возможно, будут заложены основы экономических и политических соглашений»¹⁶. В свою очередь египетский посол в Афинах сказал своему итальянскому коллеге, что, несмотря на отсутствие каких-либо официальных сообщений, у него сложилось впечатление, что заключение какого-то двустороннего пакта между Турцией и Египтом «не исключено»¹⁷.

В Турции накануне приезда египетского министра иностранных дел также появились слухи о том, что англо-турецкий пакт будет распространен на Египет. Причем итальянское посольство в Анкаре сообщало в Рим, что закулисным инициатором турецко-египетских переговоров является Лондон. «Англия желает, чтобы между Египтом и Турцией были начаты переговоры о заключении договора, – писал посол Италии в Анкаре де Пеппо. – Согласно замыслу вдохновителей, в случае войны Турция будет получать снабжение из Египта в обмен на военную помощь Турции в виде войск, посланных в Палестину или на египетскую границу. Посылке войск, учитывая политическую ситуацию в районе Восточного Средиземноморья, ничто не препятствует»¹⁸. Министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу в беседе с итальянским послом 13 июня 1939 г. признал политический характер предстоящего визита Абдель Фаттах в Анкару, однако он исключил возможность вступления Египта в Саадабадский пакт¹⁹.

Тем не менее, накануне визита Абдель Фаттах в Турцию возможность вступления Египта в состав членов Ближневосточной Антанты была обсуждена на заседании египетского правительства. В историографии Саадабадского пакта только в книге В. С. Кошелева кратко затронут этот сюжет. В частности, В. С. Кошелев пишет: «В начале (в июне. – В. К.) 1939 г. на повестку дня заседаний египетского правительства, представлявшего собой коалицию либералов-конституционалистов и саадистов, был поставлен вопрос о присоединении Египта к Саадабадскому пакту. Англия была весьма заинтересована в этом. Однако правительство М. Махмуда не пришло к единому мнению, расколовшись на две равные части. Министры, выступившие против Саадабадского пакта, исходили, прежде всего, из того, что никакой угрозы с Востока Египту нет и что присоединение к пакту не в интересах Египта, так как «союз с Англией» распространится за пределы Египта, и правительство будет вынуждено в случае войны послать свои войска в Турцию, Иран или Ирак, тем самым подвергнет страну опасности воздушных налетов или вторжения. Глава кабинета воздержался от голосования. Позднее этот вопрос был снят с повестки дня так же неожиданно, как и поставлен»²⁰. Другой историк-востоковед, Ш. А. Ниязатов, без ссылки на какой-либо источник утверждает в своей работе, что «Египет, несмотря на сильный нажим Англии, категорически отказался присоединиться к Саадабадскому пакту»²¹.

Однако документы из архивов британского министерства иностранных дел опровергают или существенно корректируют вышеприведенные утверждения В. С. Кошелева и Ш. А. Ниязатова относительно возможного присоединения Египта к Саадабадскому пакту, прежде всего в том, что касается тезисов об английской «заинтересованности» и «сильном нажиме». В частности, в этой связи представляет интерес содержание телеграммы британского посла в Каире М. Лэмпсона в Форин Оффис от 15 июня 1939 г. В ней сообщалось, что в этот день (а не «в начале 1939 г.») состоялось заседание египетского правительства, на котором «рассматривалась целесообразность присоединения Египта к Саадабадскому пакту». Премьер-министр Египта М. Махмуд, информируя британского посла о принятых по этому вопросу решениях, сказал, что мнения членов кабинета министров разделились примерно поровну и что сам премьер «отдал свой голос в пользу присоединения» (а не «воздержался от голосования»). Однако достигнутое в результате большинство голосов было, по его словам, «слишком ничтожным для того, чтобы это могло оправдывать полученные правительством Египта полномочия на присоединение». Поэтому инструкции, данные министру иностранных дел Абдель Фаттаху в свете его предстоящего визита в Турцию, сводились к тому, что он в ходе переговоров с турецкой стороной по своей инициативе «совсем не должен поднимать этот вопрос». Если же турки сами поднимут его, то египетский министр «должен обсудить с ними этот вопрос», а затем заявить о том, что ему необходимо дождаться получения инструкций из Каира, прежде чем продолжать обсуждение вопроса о возможности вступления Египта в Саадабадский

¹⁵ DDI. V.12. P.117.

¹⁶ Ibid. P.120.

¹⁷ Ibid. P.160.

¹⁸ Ibid. P.187.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Кошелев В. С. Египет до Эль-Аламейна: Из истории внутривосточной борьбы (1939–1942). Минск, 1977. С.26.

²¹ Ниязатов Ш. А. Ирано-иракский конфликт: Исторический очерк. М., 1989. С.23.

пакт²².

В ходе последующей беседы британский посол сказал премьер-министру Египта, что если бы он был на его месте, то, прежде всего, постарался бы прояснить для самого себя, «какие преимущества получит Египет от присоединения». Как заявил посол, по его мнению, присоединение к Саадабадскому пакту принесет Египту «только больше обязательств, чем чего-либо еще». Он также отметил, что «ни одно из государств-членов пакта не имеет общей границы с Египтом» и это обстоятельство существенно снижает для Египта реальную ценность пакта. Премьер-министр Египта согласился с этими аргументами британского посла, признав, что, кроме видимости повышения международного престижа, «никакого другого значения для Египта этот пакт не имел бы»²³. Слова Лэмпсона невозможно интерпретировать как «сильный нажим» или проявление английской «заинтересованности» в присоединении Египта к Саадабадскому пакту. Фактически, Лэмпсон занимался тем, что отговаривал главу правительства Египта от вступления в пакт, и эта линия действий английского посла не встретила возражений, а, напротив, нашла понимание в стенах Форин Офиса, о чем свидетельствуют рукописные пометки сотрудников Ближневосточного отдела британского МИД на тексте его телеграммы²⁴.

19 июня 1939 г. министр иностранных дел Египта Абдель Фаттах Яхья-паша прибыл в Анкару. Египетский министр был принят президентом Турецкой Республики И. Инено, а затем провел переговоры с министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу и другими турецкими официальными лицами. Опубликованное 22 июня одновременно в Анкаре и Каире совместное коммюнике сообщало, что состоявшийся визит «помог продемонстрировать узы дружбы, связывающие Египет и Турцию, и подтвердил их сотрудничество, которое в будущем еще больше укрепитесь во всех областях, особенно в области экономики»²⁵. Вопрос о присоединении Египта к Саадабадскому пакту ни одна из сторон в ходе переговоров не поднимала, и он не ставился на обсуждение. Это обстоятельство дало основание итальянскому послу в Анкаре де Пеппо сообщить в Рим 22 июня 1939 г.: «Визит египетского министра иностранных дел в Турцию завершился без заключения какого-либо формального акта. Сараджоглу сказал мне, что египетский гость не выдвинул никакого предложения о присоединении к существующим пактам или о создании новых». Тем не менее, посол Италии в Турции продолжал считать поездку Абдель Фаттаха в Анкару «политической демонстрацией, инспирированной Англией». Подтверждение этому он находил в том, что после Анкары министр иностранных дел Египта должен был посетить с визитом столицы государств – партнеров Турции по Балканской Антанте – Бухарест, Белград и Афины²⁶.

Некоторые основания для подозрений итальянской дипломатии в отношении истинных целей зарубежного турне Абдель Фаттаха давали сообщения прессы Египта и балканских стран. В частности, в дни пребывания министра иностранных дел Египта в Турции румынские газеты, сообщая о его предстоящем приезде в Бухарест, писали, что «он находится в Анкаре для изучения возможностей заключения важного политического соглашения». Итальянский посол в Румынии Гиджи телеграфировал в Рим 20 июня 1939 г.: «Согласно тем же газетам, египетский министр проедет через Софию и Белград. Газеты, не вдаваясь в подробности объявленного визита египетского министра, распространяются о географическом и политическом значении Египта»²⁷. В тот же день посол Италии в Греции сообщал из Афин: «В сегодняшнем номере газеты “Ассирматос” опубликована корреспонденция из Стамбула, согласно которой во время визита египетского министра иностранных дел будет, в частности, обсуждено положение в Средиземном море и, вероятно, подписан пакт о взаимопомощи, объединяющий англо-турецкое и англо-египетское соглашения»²⁸. В это же время в египетской газете «Аль-Мысри» было объявлено о предстоящем «заключении оборонительного пакта между Йеменом, Ираком и Саудовской Аравией, который будет подписан на днях министрами иностранных дел этих трех государств»²⁹.

23 июня 1939 г. каирская газета «Аль-Баляг», орган египетской партии Вафд, высказалась в пользу соглашения Египта с Турцией, которое «поставило бы Египет на сторону демократических стран». Газета называла Турцию «защитницей мира и спокойствия на Востоке» и в качестве примера такой политики приводила Саадабадский пакт. В газете утверждалось, что то же самое относится и к Ираку, который к тому же является одним из организаторов тройственного (Ирак, Саудовская Аравия и Йемен) арабского пакта. «Аль-Баляг» писала, что «Египет связан союзом с Великобританией и дружбой с Турцией», в этом же ряду стоит соглашение Турции с Францией, заключенное 23 июня. «Все это призвано гарантировать мир в Восточном Средиземноморье. Особенно важным в этом смысле является сотрудничество Египта, Турции, Англии и Франции, с которыми возможно сотрудничество других стран, объеди-

²² Public Record Office. London (далее – PRO). FO 371/23194. P.219.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid. P.218.

²⁵ Oriente Moderno. 1939. № 7. P.398.

²⁶ DDI. V.12. P.252.

²⁷ DDI. V.12. P.234.

²⁸ Ibid. P.235.

²⁹ Ibid. P.234.

ненных Саадабадским пактом, а также государств, входящих в зарождающийся альянс арабских стран» в составе Ирака, Саудовской Аравии и Йемена. Наконец, в газете отмечалась важная роль Балканской Антанты. «Все это, – делала вывод «Аль-Баляг», – укрепит позиции демократических стран перед диктаторскими»³⁰.

Так писали газеты. В то же время дипломатические представители упомянутых стран в своих заявлениях, в беседах с германскими и итальянскими дипломатами стремились рассеять их тревогу и опасения по поводу возможных последствий зарубежной поездки министра иностранных дел Египта. В частности, генеральный секретарь МИД Румынии, касаясь приезда Абдель Фаттах в Румынию, заверял итальянского посла в Бухаресте в том, что «речь идет об обычном визите вежливости и для установления контакта»³¹. В свою очередь египетский посланник в Берлине сделал 7 июля 1939 г. официальное заявление, в котором «категорически опроверг» сообщения о якобы заключенном или готовящемся к заключению «военном пакте» между Турцией и Египтом. Он также утверждал, что поездка министра иностранных дел Египта по балканским странам «не имеет антигерманской направленности»³².

Посетив после Турции с визитами Румынию, Болгарию, Югославию и Грецию, Абдель Фатах Яхья-паша 18 июля 1939 г. возвратился в Каир. В результате его поездки не было заключено никаких политических, экономических или торговых соглашений. Тем не менее, по возвращении в Каир египетский министр иностранных дел заявил, что «хорошие отношения между Египтом и Турцией, дружба, связывающая народы обеих стран, и общее желание сотрудничать в экономической области равнозначны союзу»³³.

Начальник королевской канцелярии в Каире Али Махир, хорошо известный своими симпатиями к Германии и Италии, в беседе с итальянским послом заявил, что поездка Абдель Фаттах «является новым признаком слабости» египетского правительства. По словам Али Махира, все, что было сказано о политическом значении поездки, не соответствовало действительности, никакие переговоры о военных соглашениях между Египтом и Турцией не велись³⁴.

Справедливость оценок, данных Али Махиром результатам поездки Абдель Фаттах в Турцию и балканские страны, подтверждается их сравнением с мнением по этому вопросу британского посла в Каире М. Лэмпсона, которое он отразил в своем отчете о работе посольства, а также внутренней и внешней политике правительства Египта за 1939 год. В отчете Лэмпсона, датированном 8 февраля 1940 г., говорилось, что визит Абдель Фаттах в Турцию «был преимущественно визитом вежливости» в ответ на визит турецкого министра иностранных дел в Египет, нанесенный еще в 1937 г. Кроме того, визит Абдель Фаттах в Турцию «был использован для того, чтобы обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес, главным образом экономического характера». Последовавшая за этим поездка министра иностранных дел Египта по балканским странам «не имела никаких других полезных целей, кроме как добавить новые иностранные награды к тем, которые Абдель Фатах Яхья-паша уже имел»³⁵.

Тем не менее, у итальянцев продолжали оставаться «сомнения» относительно целей визита египетского министра³⁶. Эти «сомнения» питались или усиливались комментариями некоторых каирских газет, которые поместили материалы, посвященные итогам поездки Абдель Фаттах. В частности, в передовой статье газеты «Аль-Ахрам» от 19 июля делался следующий вывод: «Результаты поездки министра... мы вскоре ощутим либо по торговым соглашениям, либо по договорам о совместной обороне Восточного Средиземноморья и сохранения безопасности в этом море»³⁷.

Как сообщал в Рим посол Италии в Каире Маззолини, в египетских дипломатических кругах считали, что «изучение возможностей торговли... будет также сопровождаться и изучением политических сторон отношений между Египтом и Турцией». Далее Маззолини писал: «Возможность политического развития результатов визита не исключается в здешних кругах, которые, впрочем, понимают, что это будет зависеть не столько от инициативы Египта и Турции, сколько от воли Англии»³⁸.

Накануне поездки министра иностранных дел Египта в Турцию и на Балканы специальный посланник короля Саудовской Аравии Ибн Сауда Халид эль-Худ был принят 17 июня 1939 г. рейхсканцлером Германии А. Гитлером в его резиденции в Бергхофе и имел с ним продолжительную беседу³⁹. Встреча Гитлера с официальным представителем Саудовской Аравии получила освещение в фашистской прес-

³⁰ Цит. по: *Oriente Moderno*. 1939. № 7. P.398-399.

³¹ DDI. V.12. P.234.

³² *Völkischer Beobachter*. 1939. 8 Juli.

³³ DDI. V.12. P.469.

³⁴ Ibid. P.430.

³⁵ PRO. FO 371/24632. J 582. P.8.

³⁶ DDI. V.12. P.430.

³⁷ Ibid. P.470.

³⁸ Ibid. P.469-470.

³⁹ *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945*. Ser. D (далее – DGFP). L., 1953. V.5. P.814.

се Германии и Италии⁴⁰. Для иностранных дипломатов и журналистов, работавших тогда в Берлине, было очевидно, что гитлеровцы постараются придать этому событию подчеркнуто важное значение. В частности, временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов писал в своем дневнике по этому поводу: «Говорят, что Халид эль-Худ, живший в Берлине около трех недель, не намеревался просить аудиенции у Гитлера, но последний сам вызвал его в Берхтесгаден. Еще за два дня аусамт (МИД Германии. – В. К.) отрицал политическое значение пребывания этого араба в Берлине. Англичане видят в этом нарочитое стремление немцев “напугать” других перспективой сближения с арабскими странами... Американские корреспонденты шлют об этом длинные депеши»⁴¹. Как отметил Астахов, англичане опасались, что «немцы устроят что-либо в Аравии. Прием посланца Ибн Сауда Гитлером их явно беспокоит»⁴².

Непосредственным результатом беседы Гитлера с Халидом аль-Худом стало начало германо-саудовских переговоров о поставках германского оружия в Саудовскую Аравию⁴³. Поставки оружия продолжали быть важной формой экономического проникновения гитлеровской Германии и в другие страны Ближнего и Среднего Востока, в частности в Иран, где германские фирмы, производившие оружие, успешно конкурировали с английскими производителями вооружений. В беседе с временным поверенным в делах СССР в Иране И. А. Карташевым 20 июня 1939 г. французский военный атташе в Тегеране Алессандри сообщил, что, по его сведениям, в иранскую столицу прибыл главный директор заводов Круппа Иост для переговоров о размещении заказа на поставку в Иран крупной партии горной артиллерии германского производства, а также строительстве с германской помощью в Иране пулеметного и артиллерийского заводов. Как сказал Алессандри, против немцев в этом деле конкурирует хорошо известная английская фирма «Бофорс». Характеризуя экономическую активность Германии в Иране, французский военный атташе сообщил, что немцы ведут также переговоры с правительством Ирана о размещении в Германии крупного заказа на паровозы и вагоны для иранских железных дорог, кроме того, ведутся переговоры о «большом строительстве порта в Бендер-Шахпуре» на побережье Персидского залива, о поставке для этого порта различного рода оборудования. В интересах «развития германской торговли в Иране» немцы, по словам Алессандри, согласились не снижать курса марки при расчете по клирингу с 5,5 риалов до 2,5 риалов⁴⁴.

Активное политическое и экономическое проникновение гитлеровской Германии на Ближний и Средний Восток вызывало беспокойство не только у правительств западных держав, Англии, Франции, США, но и у правительства СССР. Советская дипломатия внимательно следила за всеми международными акциями правящих кругов Ирана, Афганистана, Турции, стремилась воздействовать на их внешнеполитический курс в интересах целей Советского Союза на мировой арене.

17 июня 1939 г. полпред СССР в Афганистане К. А. Михайлов устроил в полпредстве прием для членов афганского правительства, на котором присутствовали министр иностранных дел, министр двора, министр просвещения, военный министр, его заместитель и ряд других высокопоставленных представителей правительственных кругов Афганистана. Гостям был предложен для просмотра известный советский кинофильм «Александр Невский», историческое содержание которого летом 1939 г. имело вполне определенный внешнеполитический подтекст. Присутствовавший в числе гостей посланник Афганистана во Франции Шах Вали-хан, влиятельный афганский политический деятель, в беседе с К. А. Михайловым заявил, что «весьма тронут теплым приемом», оказанным афганской стороне в стенах советского полпредства. Шах Вали-хан подчеркнул, что является сторонником дружеских отношений Афганистана с СССР, сказав, что по этому поводу он выступал перед своим правительством и говорил в многочисленных беседах со своими братьями – премьер-министром и военным министром Афганистана. Касаясь складывающейся международной обстановки, Шах Вали-хан сказал, что «Афганистан слишком еще слаб для того, чтобы участвовать в крупных международных делах». Конечно, заявил он, «афганцы стоят на стороне тех, кто последовательно защищает дело мира и ни в какой мере не симпатизирует агрессорам»⁴⁵.

Аналогичные заявления были сделаны послом Афганистана в Турции Файзом Мухаммед-ханом на приеме, организованном полпредом СССР в Анкаре 16 июня 1939 г. После показа советского кино-

⁴⁰ Volkischer Beobachter. 1939. 19 Juni; Oriente Moderno. 1939. № 7. P.395; и др.

⁴¹ У представителей США имелись особые причины для беспокойства по поводу возможного германо-саудовского сближения, поскольку в это время велась подготовка дополнительного соглашения между правительством Ибн Сауда и американской нефтяной компанией об увеличении площади концессии на разведку и добычу нефти. Дополнительное соглашение было заключено 21 июля 1939 г. См.: Новейшая история арабских стран (1917–1966). М., 1968. С.218, 620; Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745–1973). М., 1982. С.358; Кокшаров В. А. Начало деятельности американских нефтяных монополий в Саудовской Аравии (1933–1939) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1986. С.75–77.

⁴² ДВП. Т.22. Кн.1. С.493.

⁴³ DGFP. V.5. P.814.

⁴⁴ ДВП. Т.22. Кн.1. С.492.

⁴⁵ Там же. С.486.

фильма «Волочаевские дни», организованного в полпредстве для членов китайского и афганского посольств, Файз Мухаммед-хан произнес большую речь, в которой, в частности, сказал, что «дружеские и теплые отношения, которые существуют между Афганистаном и СССР, будут развиваться и дальше в сторону установления наибольшей сердечности между обоими государствами». Афганский посол заявил, что «азиатские народы, имея своим соседом СССР, могут спокойно развиваться и укреплять мир на этом участке земного шара, укрепляя в то же время мир и во всем мире»⁴⁶.

Однако кадровые изменения, произведенные в руководстве НКВД СССР после отставки М. М. Литвинова с поста наркома, в некотором смысле неблагоприятно отразились на организационной стороне проблемы поддержания и развития отношений Советского Союза со странами Ближнего и Среднего Востока. Как пишет в своих воспоминаниях известный советский дипломат Н. В. Новиков, после назначения В. М. Молотова новым наркомом иностранных дел «из прежних заместителей наркома в НКВД остался один только Потемкин, да и то ненадолго». Одно из новшеств касалось работы Первого Восточного отдела, ведавшего вопросами отношений СССР с ближневосточными странами. В частности, отдел стал подчиняться «одному из новых заместителей наркома», являвшемуся одновременно высокопоставленным представителем бериевского НКВД, небезызвестному В. Г. Деканозову, тогда как «раньше отделом руководил сам нарком»⁴⁷. Деканозов имел звание комиссара госбезопасности, в 1938–1940 гг. он руководил работой первого главного управления НКВД (внешняя разведка) и был доверенным лицом Л. П. Берия по организации и проведению массовых политических репрессий советских граждан, в том числе дипломатических работников, однако, он имел слабое представление о специфике внешнеполитической деятельности. Даже на работу в наркомат иностранных дел Деканозов являлся в форме сотрудника НКВД⁴⁸.

20 июня 1939 г. Первый Восточный отдел НКВД СССР был упразднен и на его основе созданы два других отдела: Средневосточный, ведавший отношениями с Ираном и Афганистаном, и Ближневосточный, в ведении которого находились отношения СССР с Турцией, арабскими странами, а также с Болгарией и Грецией, переданными ему из Восточноевропейского отдела. Заведование Средневосточным отделом было возложено на М. С. Мицкевича, а Ближневосточным – на Н. В. Новикова⁴⁹. Последний, характеризуя коллег по совместной работе в НКВД СССР в тот период, писал позднее в своих воспоминаниях о М. С. Мицкевиче следующее: «При всем моем уважении к нему я должен сразу оговориться, что уровень его компетентности в международных отношениях и практических делах Наркоминдела был сравнительно невысок. Говорю я это не в укор ему. Ведь, в сущности, он, вчерашний кандидат биологических наук, был новичком в дипломатической профессии, к тому же обладал сравнительно скромными познаниями о странах Востока, отношениями с которыми ему приходилось ведасть»⁵⁰. Оставляло желать лучшего и кадровое обеспечение Ближневосточного отдела. В частности, в его штате отсутствовал референт-арабист, поэтому «общее наблюдение за политическими событиями в арабских странах» приходилось осуществлять самому заведующему – Н. В. Новикову, который был тюркологом, а не арабистом⁵¹.

21 июня 1939 г. по случаю предстоявшего окончательного отъезда из СССР посла Турции З. Апайдына в турецком посольстве в Москве был устроен прием для членов дипломатического корпуса и советских официальных лиц. В ходе состоявшейся тогда беседы между Апайдыном и новым заведующим Ближневосточным отделом НКВД СССР Новиковым стороны «коснулись некоторых событий того периода, в частности франко-турецких переговоров о взаимной помощи». Апайдын сообщил, что они «близятся к концу и со дня на день можно ожидать подписания декларации, аналогичной англо-турецкой декларации от 12 мая». Отвечая на вопрос Новикова, «как обстоит дело с переходом от предварительных деклараций к предполагаемому основному договору о взаимной помощи с Англией и Францией», турецкий посол многозначительно сказал: «...Вы не хуже моего знаете, что этот договор во многом зависит от хода переговоров между Москвой, Лондоном и Парижем. Ведь у Турции и Советского Союза общая цель в вопросе коллективной безопасности, а судьба ее сейчас определяется тремя великими державами. Будем надеяться, что судьба эта сложится благоприятно для всех нас». Как пишет в своих воспоминаниях Н. В. Новиков, «Апайдын был прав, придавая этим переговорам ключевое политическое значение», однако начавшиеся «переговоры между правительствами СССР, Англии и Франции о создании системы коллективной безопасности в Европе протекали с крайней медлительностью». Вскоре в Москву прибыл новый турецкий посол А. Х. Актай⁵².

23 июня 1939 г. в Анкаре было подписано франко-турецкое соглашение о присоединении части территории Сирии, находившейся под мандатным управлением Франции, – автономного Александретт-

⁴⁶ Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. С. 36–37.

⁴⁷ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С. 25. См. также: ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 534.

⁴⁸ См.: Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. Б. м., 1992. С. 260–262, 268–271; Рошин А. В Наркоминделе накануне войны // Международная жизнь. 1988. № 4. С. 125.

⁴⁹ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С. 25.

⁵⁰ Там же. С. 10.

⁵¹ Там же. С. 15, 25.

⁵² Там же. С. 26.

ского санджака (Хатая) к Турции⁵³. Одновременно Франция объявила о своем намерении «никогда не отказываться в пользу третьих держав (прежде всего, имелась в виду Италия. – В. К.) от своих обязанностей в Сирии и Ливане»⁵⁴. Соглашение о передаче Хатая Турции стало фактически своеобразным платежом за переход турецкого правительства на сторону англо-французского блока. В тот же день в Париже была подписана франко-турецкая декларация о взаимопомощи, аналогичная англо-турецкой декларации от 12 мая⁵⁵. Как отметил в своих воспоминаниях Н. В. Новиков, «помимо франко-турецкой декларации от 23 июня 1939 г. в подведомственных Ближневосточному отделу НКВД странах в летние месяцы никаких крупных событий не произошло»⁵⁶.

Заключение англо-турецкой и франко-турецкой декларации о взаимопомощи, как и франко-турецкое соглашение о передаче Турции Александреттского санджака, неблагоприятно отразилось на отношениях Турции со своими партнерами по Саадабадскому пакту. В частности, в июне 1939 г. министр иностранных дел Ирана М. Аалям заявил в беседе с посланником Болгарии в Тегеране, что его страна ни в коей мере не разделяет проанглийской ориентации Турции, и что Иран не будет отклоняться от своей позиции нейтралитета⁵⁷.

В свою очередь итальянский посол в Афганистане П. Кварони в письме на имя министра иностранных дел Италии Г. Чиано от 22 июня 1939 г. сообщал, что власти в Кабуле «недовольны тем, что Турция хочет создать у Англии и Франции впечатление, будто бы она способна влиять на политику Афганистана в отношении держав “оси”». В беседе с Кварони афганский министр иностранных дел Али Мухаммед-хан «подтвердил твердое намерение Афганистана воздерживаться от любых действий, способных отклонить его от нейтралитета». В частности, он сказал: «Никакое изменение политики Турции не может заставить Афганистан отклониться от курса нейтралитета. Государства, подписавшие Азиатский (Саадабадский. – В. К.) пакт, полностью сохраняют свой внешнеполитический курс. Саадабадский пакт является лишь выражением платонической дружбы, основанной на общих мусульманских традициях, которые, однако, не могут отодвинуть на второй план интересы его отдельных участников. Что касается Афганистана, то его самостоятельность может быть обеспечена лишь политикой нейтралитета»⁵⁸.

В связи с передачей Турции Александреттского санджака, бывшего частью территории арабского государства – Сирии, ухудшились отношения Турции с другим арабским государством – Ираком, являвшимся партнером Турции по Саадабадскому пакту. Еще накануне подписания франко-турецкого соглашения по Александреттскому санджаку в итальянской печати стали появляться сообщения из Багдада о том, что «Ирак выступает против передачи Хатая (сирийской Александретты) Турции как условия заключения франко-турецкого соглашения о взаимной помощи, подобного англо-турецкому соглашению»⁵⁹. По сведениям итальянского посла в Анкаре, после подписания 23 июня 1939 г. соответствующих франко-турецких документов правительство Ирака даже направило Турции ноту протеста, в которой заявило, что оно «не признает аннексию Хатая»⁶⁰. Кроме того, по мнению историка П. К. Тарасова, «уступка Александретты туркам, безусловно, повлияла на позицию Египта в вопросе его отрицательного отношения к вступлению в Саадабадский пакт»⁶¹.

Охлаждение отношений Ирака с Турцией, вызванное последствиями франко-турецкого соглашения об Александреттском санджаке, по-видимому, дало новый импульс активизации отношений Ирака со своими арабскими соседями, прежде всего с Саудовской Аравией. На следующий день после подписания франко-турецких соглашений делегация Ирака, составленная из представителей правительственных структур, исламского духовенства и военных, во главе с министром иностранных дел Али Джавдатом аль-Айюби выехала из Багдада в Эр-Рияд. Согласно опубликованному в иракской печати правительственному сообщению, поездка делегации Ирака в Саудовскую Аравию была связана с возобновлением переговоров по урегулированию спорных пограничных вопросов, нерешенность которых периодически приводила проживавшие в приграничной полосе местные племена обеих стран к различным инцидентам и конфликтным ситуациям. В то же время, как сообщал в Рим итальянский посол в Ираке Габриэлли, в ди-

⁵³ Oriente Moderno. 1939. № 7. P.353-354, 367; № 8. P.438-443; Поцхверия Б. М. Турция между двумя мировыми войнами: Очерки внешней политики. М., 1992. С.169.

⁵⁴ DDI. V.12. P.282.

⁵⁵ Le Temps. 1939. 25 juin; Oriente Moderno. 1939. № 7. P.357, 365-366; Тарасов П. К. Присоединение Турции к англо-французскому блоку накануне Второй мировой войны // Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1966. Ч.1. С.67.

⁵⁶ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С.27.

⁵⁷ Централен държавен исторически архив. София. Фонд 176. Оп. 7. А.е.1057. Л.1; Тарасов П. К. Саадабадский пакт // Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968. С.66.

⁵⁸ DDI. V.12. P.253.

⁵⁹ Oriente Moderno. 1939. № 7. P.369-370.

⁶⁰ DDI. V.12. P.529. С другой стороны, в беседе с послом Италии в Турции де Пеппо его коллега из Афганистана Файз Мухаммед-хан сказал, что, хотя «аннексия Хатая Турцией воспринята неблагоприятно в арабском мире, он, тем не менее, не допускает, чтобы правительство Ирака заявило о непризнании этого присоединения» (Ibid. P.604).

⁶¹ Тарасов П. К. Саадабадский пакт. С.66.

пломатических кругах Багдада считали, что «основной целью поездки является стремление (Ирака. – В. К.) вовлечь Ибн Сауда в Саадабадский пакт»⁶².

29 июня 1939 г. иракская делегация прибыла в столицу Саудовской Аравии. Согласно сообщениям печати, в ходе ирако-саудовских переговоров предполагалось обсудить «вопрос о пограничных племенах и общее положение на границе», а также «проблемы Палестины и Сирии» в свете происходящих событий, связанных с этими странами⁶³. Вопрос о присоединении Саудовской Аравии к Саадабадскому пакту в ходе переговоров, по-видимому, не ставился и не обсуждался, в итоговом ирако-саудовском коммюнике было отмечено, что переговоры «проходили в атмосфере дружбы и подтвердили стремление сторон к продолжению взаимного сотрудничества»⁶⁴.

Тем временем в ходе переговоров Советского Союза с Англией и Францией о пакте взаимной помощи, существенно влиявших на позицию Турции и других малых стран, как в Европе, так и на Ближнем Востоке, к концу июня 1939 г. вполне отчетливо обозначился кризис взаимного доверия.

С одной стороны, в кругах иностранных дипломатов в Берлине стали распространяться встревожившие их слухи о некоторых переменах, начавшихся в советско-германских отношениях. В частности, об этих слухах, отметив их «явно неправдоподобный характер», завел разговор с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым 24 июня 1939 г. турецкий посол в Берлине Х. Арпаг, который ссылался на сведения, полученные им «от ряда видных дипломатов». Как следует из записи этой беседы, сделанной самим Астаховым, он не считал нужным опровергать эти «слухи» в разговоре с Арпагом. Это обстоятельство, вероятно, не осталось незамеченным для опытного турецкого дипломата. Арпаг сказал также, что его правительство сильно обеспокоено увеличением численности итальянских войск в Албании, рассматривая это как подготовку Италией новой агрессии на Балканах. «Что касается турецко-германских отношений, – сказал он, – то они крайне плохи, значительно хуже советско-германских»⁶⁵. При новой встрече с Астаховым 8 июля 1939 г. Арпаг опять «горько жаловался на немцев, усвоивших враждебную линию в отношении Турции, которую они обвиняют в нарушении обещания вести политику нейтралитета»⁶⁶.

С другой стороны, 29 июня 1939 г. орган ЦК ВКП (б) газета «Правда» опубликовала статью члена политбюро и секретаря ЦК ВКП (б), депутата Верховного Совета СССР А. А. Жданова под заголовком «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». В статье констатировалось, что «англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии зашли в тупик». Обвиняя правительства Англии и Франции в нежелании приблизить подписание равноправного договора о взаимной помощи с Советским Союзом, в нагромождении ими искусственных трудностей, Жданов писал: «...Та же самая Англия заключила пакты о взаимопомощи с Турцией и Польшей (имелись в виду соответствующие декларации. – В. К.) в течение очень короткого времени. Отсюда следует, что, когда Англия п о ж е л а л а заключить договоры с Турцией и Польшей, она сумела обеспечить и надлежащие темпы переговоров». Жданов делал вывод, что «англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь р а з г о в о р о в договоре, для того чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами».

Своеобразным ответом на критику, прозвучавшую в статье Жданова, стал врученный послами Англии и Франции в Москве наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову 1 июля 1939 г. англо-французский проект англо-франко-советского договора о взаимопомощи против агрессии. Проект предусматривал, в частности, оказание Англией, Францией и Советским Союзом совместной помощи Турции в случае, если она подвергнется агрессии со стороны «какой-либо европейской державы»⁶⁷. Советский проект англо-франко-советского договора, врученный Молотовым послам Англии и Франции 3 июля 1939 г., развивая англо-французский проект, вводил понятие не только «прямой», но и «косвенной» агрессии и тоже предусматривал оказание совместной помощи Турции⁶⁸. Уточненные проекты англо-франко-советского договора, которыми обменялись соответственно 8 и 9 июля 1939 г. английский и французский послы и Молотов, также включали Турцию в число стран, которым, в случае агрессии против них, Англия, Франция и СССР обязывались совместно оказывать военную и любую другую эффективную помощь⁶⁹. Предусматривал совместную помощь Турции и англо-французский проект англо-франко-советского пакта о взаимопомощи, врученный послами Великобритании и Франции Молотову 17 июля

⁶² DDI. V.12. P.277.

⁶³ Oriente Moderno. 1939. № 7. P.395.

⁶⁴ Ibid. № 8. P.481.

⁶⁵ ДВП. Т.22. Кн.1. С.502.

⁶⁶ Там же. С.531.

⁶⁷ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С.476.

⁶⁸ Там же. С.479-481.

⁶⁹ Там же. С.484-487.

1939 г.⁷⁰

Турции отводилось важнейшее место в планах английского правительства по защите британских позиций на Ближнем и Среднем Востоке. В частности, в июле 1939 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс неоднократно подчеркивал, что британские политические и стратегические интересы тесно связаны с позицией Турции, которая имеет для Англии «жизненно важное» значение⁷¹. В свою очередь посол Турции в Лондоне Т. Р. Арас 12 июля 1939 г. рассказал своему советскому коллеге И. М. Майскому, что финансово-экономические переговоры турок с англичанами «продвигаются успешно вперед», причем речь может идти примерно о кредите в 10–15 млн. ф. ст. на покупку оружия⁷².

Не менее важное значение позиция Турции имела для Франции, которая владела мандатом Лиги Наций на управление Сирией и Ливаном. 17 июля 1939 г. в Анкару для обсуждения вопросов военного сотрудничества прибыла французская военная миссия во главе с генералом Хюнтцигером⁷³. Аналогичная британская военная миссия, побывавшая в Турции в июне 1939 г., посетила, в частности, район Дарданелл⁷⁴.

Продолжением взаимной полемики, начатой в статье А. А. Жданова, стала состоявшаяся 19 июля 1939 г. беседа министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ с полномочным представителем СССР во Франции Я. З. Сурицем. Разясняя суть позиции Франции и Англии на переговорах с СССР о пакте взаимной помощи, Боннэ, в частности, заявил, что Англия и Франция «с турками и поляками сначала заключили политическое соглашение, а уже потом приступили к военным переговорам». Суриц в ответ сказал, что «это не довод» для того, чтобы навязывать такой же порядок и в переговорах с Советским Союзом⁷⁵.

21 июля 1939 г. полпред СССР в Турции А. В. Терентьев сообщил в Москву о том, что министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу в беседе с ним, состоявшейся в тот же день, выразил готовность турецкого правительства заключить с Советским Союзом соглашение о взаимопомощи. По словам Сараджоглу, такое соглашение «могло бы быть заключено или на базе англо-советского (англо-франко-советского. – В. К.) соглашения, или, независимо от этого, как... только двустороннее советско-турецкое соглашение»⁷⁶.

Почти одновременно, 23 июля 1939 г., турецкое правительство представило на рассмотрение западных держав свой проект договора с Англией и Францией, в котором содержалось положение об их помощи Турции в случае любого «акта агрессии, нацеленного на турецкие территории или ведущего к войне таким путем, который стал бы рассматриваться Турцией как возможная угроза ее безопасности». Такая формулировка оказалась неприемлема для правящих кругов западных держав, считавших, что это давало бы Турции право самой решать, имеет ли место акт агрессии, требующий вмешательства Англии и Франции⁷⁷. На заседании внешнеполитического комитета английского правительства 1 августа 1939 г. министр финансов Д. Саймон заявил: «Поскольку Франция и мы обещаем оказать помощь жертве агрессии, то мы и будем решать, имел ли место акт агрессии»⁷⁸. Вызывало раздражение западных союзников еще одно обстоятельство. Как было отмечено в инструкции начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена от 27 июля 1939 г., данной французской делегации, направлявшейся в Москву на переговоры военных миссий СССР, Великобритании и Франции, «турки предусматривали возможность своего участия (на стороне англо-французских союзников. – В. К.) в сколько-нибудь серьезных операциях в Восточном Средиземноморье и на Балканах только в том случае, если они не будут чувствовать угрозы со стороны СССР на Кавказе»⁷⁹.

На вышеупомянутом заседании внешнеполитического комитета 1 августа министр иностранных дел Галифакс представил на рассмотрение членов комитета британский проект окончательного договора о взаимопомощи между Англией, Францией и Турцией⁸⁰. Комитет пришел к выводу, что надо добиваться принятия Турцией взаимных обязательств по отношению к Англии и Франции в случае агрессии против них. Однако по предложению Галифакса было решено, что если, в крайнем случае, турецкое правительство отвергнет принцип взаимности обязательств, английская сторона не должна настаивать на нем при

⁷⁰ Там же. С.494-495.

⁷¹ PRO. Cab. 27/625. P.311, 316.

⁷² ДВП. Т.22. Кн.1. С.542.

⁷³ Le Temps. 1939. 18 juil.

⁷⁴ Oriente Moderno. 1939. № 8. P.459. В этом же ряду находился и визит в Турцию военной миссии Египта, совершенный в конце июля 1939 г. в развитие визита египетского министра иностранных дел в эту страну. Делегация египетских военных посетила турецкое военное училище, ознакомилась с береговыми укреплениями Дарданелл, присутствовала на военных маневрах турецкой армии. В августе 1939 г. Турцию посетила новая египетская военная миссия, которая тоже присутствовала на маневрах турецкой армии во Фракии (Ibid. P.484).

⁷⁵ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С.498.

⁷⁶ Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.402.

⁷⁷ PRO. Cab.27/625. P.315.

⁷⁸ Ibid. P.316.

⁷⁹ Beaufre A. Le drame de 1940. P., 1965. P.121.

⁸⁰ PRO. Cab.27/625. P.310-323.

угрозе срыва переговоров⁸¹.

В британском проекте англо-франко-турецкого договора предусматривалось, что Босфор и Дарданеллы должны быть открыты для флота западных держав⁸². Допуская возможность «советской угрозы» безопасности Турции, статья 5 обсуждавшегося проекта договора предусматривала вариант совместных действий Англии, Франции и Турции против СССР. Комитет одобрил статью 5 в принципе, «при условии дальнейшего изучения ее окончательной формулировки». В целом представленный 1 августа 1939 г. проект англо-франко-турецкого договора получил одобрение членов британского кабинета⁸³.

В обмен на свое согласие заключить пакт о взаимопомощи с Англией и Францией турецкое правительство требовало от них предоставления Турции займов и кредитов для покупки оружия. Поэтому на заседании внешнеполитического комитета правительства Великобритании 1 августа обсуждался также вопрос об оказании Турции финансовой помощи. Подчеркивая значение этого вопроса, министр торговли О. Стэнли, в частности, сказал: «Освобождение Турции от экономической зависимости от Германии имело бы важные политические и экономические последствия для всего балканского региона и Ближнего Востока»⁸⁴. Однако в ходе обсуждения отчетливо проявилось стремление английских руководителей уклониться от предоставления Турции крупного займа и попытаться переложить его осуществление на другие западные державы. Премьер-министр Н. Чемберлен прямо поставил вопрос: нельзя ли вместо предоставления английской финансовой помощи «побудить французов сделать что-нибудь в этом направлении?» Министр финансов Саймон ответил, что согласно уже проведенному неофициальному зондажу французский ответ «состоял бы в том, что, принеся большую жертву в виде передачи Хатая, они не готовы сделать что-либо большее для Турции»⁸⁵. Несмотря на это, было решено, что в качестве первого шага нужно все-таки попытаться обратиться к французскому правительству. Кроме того, Галифакс предложил английскому казначейству найти какой-нибудь способ, чтобы использовать часть золотых запасов США для оказания финансовой помощи Турции. Саймон взялся изучить это предложение⁸⁶.

2 августа 1939 г. нарком иностранных дел СССР Молотов дал указание полпреду СССР в Турции Терентьеву сообщить министру иностранных дел Турции Сараджоглу о согласии советского правительства начать переговоры о заключении советско-турецкого пакта взаимопомощи⁸⁷. В тот же день Молотов вручил послам Англии и Франции в Москве советский проект определения понятия «косвенная агрессия», поскольку возникшие разногласия по поводу приемлемой для всех заинтересованных сторон формулировки этого понятия стали одной из причин пробуковки англо-франко-советских переговоров о пакте взаимной помощи⁸⁸. 4 августа Терентьев в соответствии с директивой Молотова сообщил Сараджоглу о согласии правительства СССР на начало советско-турецких переговоров о пакте взаимопомощи. Сараджоглу пообещал дать предварительный ответ своего правительства в самое ближайшее время. Снова встретившись с Терентьевым через несколько часов в тот же день, турецкий министр иностранных дел сообщил о результатах состоявшейся у него беседы с президентом Турецкой Республики И. Инёню и главой турецкого правительства Р. Сайдамом, сказав, что они «в принципе согласны с необходимостью теперь же начать переговоры между СССР и Турцией о заключении пакта взаимной помощи и о поездке Сараджоглу в Москву». Сараджоглу далее сказал, что окончательный официальный ответ турецкого правительства будет вручен советскому полпреду после обсуждения этого вопроса на заседании совета министров Турции не позднее 8 августа⁸⁹.

В ходе подготовки советской стороны к переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции, прибытия которых ожидали в Москве, начальник генштаба Красной Армии Б. М. Шапошников представил 4 августа 1939 г. «соображения» этого военного ведомства относительно вариантов возможных совместных действий вооруженных сил СССР, Англии и Франции против агрессора. Этот документ предусматривал, в частности, и такой «возможный вариант возникновения военных действий, когда агрессия будет направлена против Турции», а Франция и Англия «в силу договора с Турцией» объявят войну агрессорам⁹⁰. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в представленных Шапошниковым «соображениях» не предусматривалось никакого прямого договора о взаимопомощи (двустороннего или многостороннего) между СССР и Турцией.

10 августа 1939 г., за день до начала переговоров военных миссий Англии, Франции и СССР в Москве, министр иностранных дел Турции Сараджоглу сообщил полпреду СССР Терентьеву, что на со-

⁸¹ Ibid. P.317-318.

⁸² Ibid. P.313.

⁸³ Ibid. P.321-323.

⁸⁴ Ibid. P.323-324.

⁸⁵ Ibid. P.324.

⁸⁶ Ibid. P.330-331.

⁸⁷ Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.153.

⁸⁸ Там же. С.153-154.

⁸⁹ ДВП. Т.22. Кн.1. С.582.

⁹⁰ Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.173.

стоявшемся 8 августа заседании турецкого правительства было «принято положительное решение о заключении Турцией с СССР двустороннего пакта взаимной помощи». Сараджоглу сказал, что переговоры с советской стороной поручено вести ему и «в случае необходимости» правительство одобряет его поездку в Москву. Отправной базой переговоров о пакте турецкая сторона предложила сделать содержание бесед, которые имел с руководителями Турции заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин во время своего пребывания в Анкаре в конце апреля – начале мая 1939 г.⁹¹ На уточняющий вопрос Терентьева Сараджоглу ответил, что его правительство будет теперь ждать от советского правительства текст «предварительного проекта пакта» между СССР и Турцией⁹².

Между тем в ходе секретных англо-германских и советско-германских переговоров, которые велись заинтересованными сторонами практически параллельно, в начале августа 1939 г. обозначились весьма важные акценты, свидетельствовавшие о том, что гитлеровцы были склонны скорее договориться со Сталиным, чем с западными державами.

С одной стороны, 7 августа 1939 г. в неофициальной беседе с представителями Англии сподвижник Гитлера рейхсмаршал Г. Геринг, в частности, заявил: «Ближний Восток – это естественная экономическая сфера Германии и представляет для нее жизненно важную проблему». Сославшись на угрозу «распространения коммунизма», Геринг потребовал признать Ближний Восток «сферой влияния» Германии⁹³. Таким образом, от Англии гитлеровцы потребовали новых уступок, на этот раз за счет богатых нефтью ближневосточных территорий. Это обстоятельство объективно повышало заинтересованность западных держав, не желавших поступаться своими экономическими, политическими и военно-стратегическими интересами на Ближнем Востоке, в договоре о взаимопомощи, как с Турцией, так и с Советским Союзом.

С другой стороны, 10 августа 1939 г. представитель германского МИД, порученец министра иностранных дел Риббентропа К. Шнурре в ходе очередной встречи с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым заявил последнему, что германское правительство «готово сделать все, чтобы не угрожать СССР и не задевать его интересы, но хотело бы знать, к чему эти интересы сводятся». Он сослался на слова Риббентропа о возможности договориться с СССР «по всем вопросам от Черного моря до Балтийского». При этом Шнурре добавил, что «плохим введением» к началу непосредственных советско-германских переговоров «по всем вопросам» будет предполагаемое заключение Советским Союзом соглашения о взаимной помощи с Англией и Францией⁹⁴.

Тем не менее, 11 августа 1939 г. давно ожидавшиеся переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве все-таки начались. Всесторонний анализ содержания этих переговоров не входит в задачи автора настоящей статьи. Однако здесь следует остановиться на вопросах, поднимавшихся в ходе или во время переговоров военных миссий в Москве, которые имели отношение к Ближнему Востоку, к Турции или ее партнерам по Саадабадскому пакту.

11 августа Молотов телеграфировал полпреду СССР в Турции Терентьеву, что советское правительство «согласно составить предварительный проект» договора о взаимопомощи между СССР и Турцией, однако для этого «нужно предварительно выяснить мнение турок» по следующим вопросам: 1) как мыслят турки двусторонний пакт взаимопомощи – как исключительно оборонительный против агрессии или как пакт не только оборонительный; 2) должен ли быть заключен турецко-советский пакт на основе возможного англо-франко-советского соглашения или совершенно независимо от такого соглашения; 3) должен ли пакт охватить морские вопросы или он должен распространиться также и на сушу; 4) должен ли пакт предусматривать только лишь случаи прямого нападения на одну из договаривающихся сторон или он должен предусматривать также и такие случаи, когда одна из договаривающихся сторон вступает в войну с агрессором в порядке помощи соседнему государству в силу соответствующих договоров; 5) если пакт должен касаться и случаев оказания помощи соседним государствам, то какие именно соседние государства имеют в виду турки⁹⁵. Кстати, к соседям Турции или СССР относились и страны Саадабадского пакта – Ирак, Иран, Афганистан. В целом содержание телеграммы Молотова свидетельствует, что советская сторона, прежде чем представить свой проект советско-турецкого пакта о взаимной помощи, фактически хотела ознакомиться с турецким вариантом текста планируемого договора.

Пока Терентьев занимался в Анкаре выполнением поручения Молотова, на переговорах военных миссий в Москве представители Англии и Франции поставили 16 августа 1939 г. перед советской делегацией, возглавлявшейся наркомом обороны СССР маршалом К. Е. Ворошиловым, ряд вопросов, в числе которых был и вопрос о том, какую помощь сможет оказать Советский Союз Турции, в случае если и она

⁹¹ О визите В. П. Потемкина в Турцию см.: ДВП. Т.22. Кн.1. С.308-309, 311-312, 321-324, 326-328, 332-335; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С.342, 349-350, 358-362, 368-370, 372-375; Год кризиса, 1938–1939. Т.1. С.414-419; Т.2. С.392.

⁹² Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.181.

⁹³ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Third Series. L., 1953. V.6. P.756-757.

⁹⁴ Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.183.

⁹⁵ ДВП. Т.22. Кн.1. С.596-597.

окажется в состоянии войны с агрессорами⁹⁶. Давая ответ на этот вопрос на заседании военных миссий 17 августа, Ворошилов сказал: «На этот вопрос мне легче всего ответить. У Франции и Англии с Турцией имеются пакты о взаимопомощи (в действительности только двусторонние декларации о взаимопомощи от 12 мая и 23 июня 1939 г. – В. К.). Эти пакты обязывают Англию и Францию защищать Турцию. Если бы мы заключили военную конвенцию трех государств, разумеется, мы своей долей вооруженных сил стали бы участвовать в этой защите Турции. Силы Советского Союза для того, чтобы участвовать в общей акции защиты Турции, вполне достаточны»⁹⁷.

Между тем английская и французская делегации на переговорах военных миссий были, по-видимому, заинтересованы в том, чтобы продолжать задавать новые вопросы представителям СССР, не торопясь в то же время с ответами на вопросы, которые ставила советская сторона, фактически затягивая такими действиями принятие необходимых решений. В частности, в серии новых вопросов, поставленных перед советской делегацией 21 августа 1939 г., был и такой: «Предполагает ли СССР в случае войны помогать Турции самолетами и оборудованием?»⁹⁸ Однако ответа на этот вопрос представители Англии и Франции так и не дождались, поскольку на следующий день весь мир узнал о предстоящем заключении пакта о ненападении между СССР и Германией и приезде в связи с этим германского министра иностранных дел Риббентропа в Москву для соответствующих переговоров⁹⁹. Это событие вносило столь существенные изменения в международную ситуацию, что не могло не повлиять на ход англо-франко-советских переговоров, которые оказались прерванными. Беседа главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова с главой французской военной миссии генералом Ж. Думенком, состоявшаяся 22 августа 1939 г., зафиксировала этот факт¹⁰⁰.

В Турции и других странах Саадабадского пакта внимательно следили за ходом англо-франко-советских переговоров. Новый посол Турции в Москве Актай в беседе с Молотовым 17 августа 1939 г. сказал, что президент Турции Инёню «следит с большим вниманием» за переговорами, которые правительство СССР ведет с правительствами Англии и Франции. Актай заявил, что, по мнению Инёню, заключение соглашения о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией «будет содействовать обеспечению всеобщего мира и пойдет на пользу общим интересам Турции и СССР». В свою очередь Молотов отметил, что «переговоры затянулись», но не по вине СССР. «Мы, – сказал Молотов, – делаем и делаем все необходимое, но не все в этом отношении зависит от нас»¹⁰¹. При встрече с послом Франции в СССР П. Наджиаром 22 августа 1939 г. Актай рассказал о своих беседах с В. М. Молотовым и М. И. Калининым, которые «подтвердили ему желание правительства СССР добиться завершения англо-франко-русских переговоров». Однако оба представителя советского руководства выразили сожаление, что переговоры слишком затянулись. По словам Актая, у него сложилось впечатление, что его советские собеседники, «казалось, сомневались по поводу подлинных намерений британского правительства»¹⁰².

В первой половине августа 1939 г. некоторые турецкие газеты утверждали, что государства Саадабадского пакта, Турция, Ирак, Иран и Афганистан, пришли к согласию в том, что будут действовать совместно с демократическими странами. Стамбульская «Джумхуриет» писала, что Турция вступит в войну в случае необходимости защитить безопасность в Средиземноморье, а остальные участники Саадабадского пакта стоят с нею рядом и рядом с Египтом, который, хотя и не присоединился к этому пакту, имеет дружественные и братские отношения с его членами¹⁰³.

В это же время некоторые оппозиционные стоявшему у власти в Египте правительству М. Махмуда каирские газеты стали писать, что, по их мнению, может возникнуть «деликатная ситуация» для Ирака, соседа и партнера Ирана и Турции по Саадабадскому пакту, в случае если Турция вступит в союз с Англией и СССР. Как бы выводя за скобки тот факт, что Ирак уже имел договор о союзе с Великобританией, заключенный еще в 1930 г., египетская газета «Аль-Мысри» 8 августа 1939 г. призывала Ирак «хорошо обдумать собственные интересы и присоединиться к Арабскому союзу – пакту, который соединил Саудовскую Аравию и Йемен, для проведения единой арабской политики и достижения решения вопросов, связанных с ситуацией в Сирии и Палестине». По словам газеты, инициатива проведения подобной политики исходила от короля Саудовской Аравии Ибн Сауда¹⁰⁴.

Некоторые основания для подобных рекомендаций египетским газетам, по-видимому, давала поездка делегации Ирака во главе с министром иностранных дел Али Джавдатом аль-Айюби в Саудовскую Аравию, состоявшаяся в конце июня 1939 г. После возвращения делегации в Багдад, парламент Ирака в

⁹⁶ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С.603.

⁹⁷ Там же. С.611.

⁹⁸ Там же. С.630.

⁹⁹ См.: Известия. 1939. 22 авг.

¹⁰⁰ См.: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С.631–636.

¹⁰¹ ДВП. Т.22. Кн.1. С.612.

¹⁰² Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.315.

¹⁰³ Oriente Moderno. 1939. № 9. P.491.

¹⁰⁴ Ibidem.

начале августа 1939 г. одобрил подписанное ею соглашение с Саудовской Аравией о внесении изменений в управлении нейтральной зоной, существовавшей в то время между Ираком и Саудовской Аравией. Выступивший по этому поводу в парламенте министр иностранных дел Али Джавдат аль-Айюби, в частности, сказал, что «внешняя политика Ирака держится на трех столпах: дружбе с союзной Великобританией; добрых отношениях, при любых обстоятельствах, с соседними государствами – Турцией и Ираном; дружбе, добрых отношениях и спаянном братстве с правительствами арабских стран, особенно с правительством Саудовской Аравии»¹⁰⁵. В целом данное заявление аль-Айюби внесло достаточную ясность в определение приоритетов внешней политики Ирака накануне Второй мировой войны.

Два других участника Саадабадского пакта – Иран и Афганистан в период проведения англо-франко-советских переговоров предприняли в Москве, Лондоне и Париже совместный дипломатический демарш по поводу обсуждения участниками вышеупомянутых переговоров понятия «косвенная агрессия». По словам иранского министра иностранных дел М. Аалыма, Иран и Афганистан потребовали и получили от участников англо-франко-советских переговоров гарантии того, что обсуждаемые ими совместные меры противодействия «косвенной агрессии» имеют в виду только европейские страны, прежде всего государства Балтии, и «некогда не будут распространены на страны Среднего Востока»¹⁰⁶.

Вышеупомянутые утверждения турецкой газеты «Джумхуриет» о том, что все остальные участники Саадабадского пакта «стоят рядом с Турцией», являлись весьма спорными. Во всяком случае, согласно сведениям, полученным из посольств Ирана и Афганистана в Турции итальянским послом в Анкаре де Пеппо, последний считал, что «Саадабадский пакт не в состоянии заставить Иран действовать» аналогичным с Турцией образом. В своем сообщении в Рим от 3 августа 1939 г. де Пеппо писал, что Саадабадский пакт «содержит неопределенные обязательства дружбы и солидарности между мусульманскими странами, и он до сих пор не был использован в практическом плане». Временный поверенный в делах Ирана в Турции заверил де Пеппо в том, что «вне указанного пакта нет никаких взаимных обязательств между его страной и Турцией». Здесь «стало известно, – писал далее итальянский посол, – что Англия оказывает сильное давление на Иран и Афганистан, чтобы заставить их отказаться от нейтралитета в случае начала войны. Однако Англия добивается их участия на своей стороне не в турецком секторе (в Восточном Средиземноморье), а в районе Индии»¹⁰⁷. По мнению известного ираниста С. Л. Агаева, несмотря на заметное укрепление позиций гитлеровской Германии в Иране в конце 1930-х гг., в целом «Иран накануне Второй мировой войны, как и в предшествующий период, оставался в сфере влияния британского колониализма», обладавшего в этой стране «крупными позициями»¹⁰⁸.

Что касается Афганистана, то, как выяснил итальянский посол в Анкаре де Пеппо в беседах со своим афганским коллегой Файз Мухаммед-ханом, «ни Англия, ни Турция после заключения договора между собой (декларации 12 мая 1939 г. – В. К.) не требовали от Афганистана уточнения его позиции в случае войны». По словам афганского посла, «Саадабадский пакт не обязывал державы, подписавшие его, следовать новой турецкой политике». (Это, впрочем, «не исключает английского давления на Иран и Афганистан», отметил де Пеппо в своей телеграмме от 8 августа 1939 г.) Файз Мухаммед-хан заверил итальянского посла в том, что «его правительство, которое находится в прекрасных отношениях с Италией, намерено придерживаться позиции абсолютного нейтралитета»¹⁰⁹.

В Египте 12 августа 1939 г. ушел в отставку кабинет, возглавлявшийся М. Махмудом. На другой день начальник королевской канцелярии Али Махир начал консультации с целью формирования нового состава правительства. 18 августа король Египта Фарук подписал декрет, одобряющий состав нового кабинета во главе с Али Махиром, который одновременно взял себе еще два министерских поста – министра внутренних дел и министра иностранных дел¹¹⁰. Н. В. Новиков, ставший в октябре 1943 г. первым полномочным посланником СССР в Египте, позднее писал в своих воспоминаниях об этих переменах в правительстве Египта следующее: «В августе 1939 г., когда в Европе дело явно шло к войне, Фарук назначил премьер-министром Али Махир-пашу, включившего в свой кабинет ряд министров-англофобов, тайных сторонников держав «оси». В те годы в Египте было широко распространено мнение, что на державы «оси» ориентировался и сам Фарук»¹¹¹.

С учетом вышеизложенного трудно дать какую-либо однозначную оценку следующему факту: 22 августа 1939 г. влиятельная и обычно хорошо информированная английская газета «Таймс» поместила сообщение из Каира, в котором говорилось, что днем раньше, 21 августа, правительство Али Махира приняло решение признать СССР и возобновить с ним торговые отношения при условии, что советское правительство воздержится от коммунистической пропаганды в Египте. Примечательно, что это сообще-

¹⁰⁵ Ibid. P.507.

¹⁰⁶ DDI. Roma. 1953. V.13. P.164.

¹⁰⁷ DDI. V.12. P.572.

¹⁰⁸ Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925–1941 гг. М., 1971. С.249.

¹⁰⁹ DDI. V.12. P.604.

¹¹⁰ Ibid. P.490, 510–511; Oriente Moderno. 1939. № 8. P.482–483.

¹¹¹ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С.148.

ние не осталось без внимания и в прессе фашистской Италии¹¹². Факт признания Советского Союза правительством Египта именно в это время¹¹³ можно трактовать двояко или даже тройко. Во-первых, сообщение «Таймс» можно отнести к категории газетных «уток». Тем более что в отечественной литературе по истории Египта или по истории внешней политики и международных отношений этот факт раньше никогда не отмечался¹¹⁴. Во-вторых, если считать сообщение «Таймс» информацией, верно отражавшей принятые правительством Али Махира решения, можно прийти к заключению, что, вопреки вышеприведенным оценкам Н. В. Новикова, новое правительство Египта, заявившее о признании правительства СССР, с которым в этот момент английское правительство вело переговоры о заключении военного союза, было, скорее, англофильским, чем англофобским. Наконец, в третьих, если считать оценки Н. В. Новикова наиболее точно отражающими внешнеполитическую ориентацию кабинета Али Махира, можно сделать сенсационное предположение о существовании весьма доверительных отношений между гитлеровцами и их сторонниками в новом правительстве Египта, которые в преддверии визита Риббентропа в Москву для заключения советско-германского пакта о ненападении попытались поспешным признанием советского правительства продемонстрировать свою особую лояльность в отношении Германии. Как бы то ни было, представляется, что вышеуказанная информация «Таймс» о решении правительства Египта признать СССР именно в это время появилась на ее страницах далеко не случайно.

Согласие Франции передать часть территории подмандатной Сирии, Александреттский санджак, Турции вызвало отрицательную реакцию в арабском мире. «Это может быть использовано нашей пропагандой», – писал в своей телеграмме в Рим посол Италии в Турции¹¹⁵. После заключения франко-турецкого соглашения от 23 июня 1939 г. о передаче санджака пресса Германии и Италии стала обвинять турок в захвате арабской территории и лицемерно выражать свое сочувствие арабам¹¹⁶. Действительно, передача санджака Турции сопровождалась массовыми демонстрациями протеста во многих арабских странах, участники которых резко осудили действия французских властей¹¹⁷. В Сирии французские мандатные власти пошли на принятие чрезвычайных мер. Было произведено формальное отделение от Сирии районов Латакии, Джебель-Друза и Джебзире, в которых были созданы специальные режимы. Вслед за этим в июле 1939 г. французский верховный комиссар Г. Пюо отменил действие сирийской конституции, распустил сирийский парламент и заменил национальное правительство «советом пяти директоров», подчиненным непосредственно французскому чиновнику – представителю верховного комиссара в Дамаске. В целом в условиях надвигавшейся войны с державами фашистской «оси» Франция стремилась сохранить в неприкосновенности свой мандат на управление Сирией и Ливаном, укрепить здесь свои военно-стратегические позиции, поднять роль и влияние Франции в других арабских странах Ближнего Востока¹¹⁸. В частности, 24-29 августа 1939 г. официальная французская миссия посетила с визитом Йемен. Согласно сообщению парижской газеты «Тан», визит миссии, которую принял имам Йемена Яхья, «сопровождался манифестацией большой сердечности» во франко-йеменских отношениях. Как писала «Тан», «миссия прибыла, чтобы подтвердить дружественные намерения Франции и закрепить узы, связывающие две страны», Йемен и Францию¹¹⁹.

Подписание 23 августа 1939 г. в Москве советско-германского пакта о ненападении вызвало в странах Ближнего и Среднего Востока неоднозначную реакцию. Противоречивые оценки этому событию давали, в частности, турецкие дипломаты. Так, первый секретарь посольства Турции в Германии Ефчен в беседе со своим коллегой из советского посольства Н. В. Ивановым сказал, что «для Турции подобный пакт (советско-германский. – В. К.) является серьезным вкладом в дело мира» и что он лично «приветствует подобный пакт», поскольку хорошо знает, что мирная политика Советского Союза не раз спасала мир от военных авантур. Ефчен выразил уверенность, что дружба между Турцией и СССР будет «непоколебима». Вместе с тем турецкий дипломат справедливо отметил, что «пакт с Советским Союзом сильно укрепляет Германию, не снимая поставленных ею перед Польшей требований». По его мнению, этим

¹¹² Oriente Moderno. 1939. № 9. 513.

¹¹³ 21 августа 1939 г. Гитлер предложил Лондону принять для переговоров Геринга, а Москве – министра иностранных дел Риббентропа для подписания советско-германского пакта о ненападении. И Москва и Лондон ответили согласием! 22 августа Гитлер отменил полет Геринга, но Лондон был извещен об этом только 24 августа, когда советско-германский пакт был уже подписан. См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С.87; Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.302–305.

¹¹⁴ Дипломатические отношения между СССР и Египтом были установлены лишь 26 августа 1943 г. См.: Дипломатический словарь. М., 1984. Т.1. С.313, 317; Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С.136, 138–139.

¹¹⁵ DDI. V.12. P.183–184.

¹¹⁶ Тарасов П. К. Присоединение Турции к англо-французскому блоку накануне Второй мировой войны. С.67.

¹¹⁷ См.: Тарасов П. К. Франко-турецкое соглашение об Александреттском санджаке и присоединение Турции к англо-французскому блоку (1936–1939 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1965.

¹¹⁸ См.: Puaux G. Deux années au Levant. P., 1952. P.45–46; Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1941). Свердловск, 1976. С.27–28, 40–41; и др.

¹¹⁹ Le Temps. 1939. 29 aout.

самым Польша может быть «стерта с карты мира»¹²⁰.

Посол Франции в Турции Р. Массигли, докладывая на Кэ д'Орсэ о реакции общественных и политических кругов Турции на подписание советско-германского пакта о ненападении, писал 23 августа 1923 г.: «Новость о подписании... политического пакта между Германией и СССР, к чему умы не были подготовлены никаким сообщением правительства СССР, вызвала в турецких политических кругах чувство, близкое к изумлению. Все терялись в догадках, чаще всего пессимистических, относительно мотивов, вызвавших решение г-на Сталина. По наиболее распространенному мнению, российский диктатор, считая конфликт неизбежным либо, может быть, способствуя ему, вышел из игры, чтобы занять позицию нейтралитета, которая позволила бы ему извлечь, ничем не рискуя, все выгоды из кризиса». В конце своего сообщения Массигли указывал, что в беседах с ним государственные и общественные деятели Турции «не скрывали ни обиду, которую чувствуют в отношении Москвы, ни мысль, что Турция будет вынуждена учитывать факт (подписания советско-германского пакта. – В. К.), который глубоко изменяет европейское равновесие»¹²¹.

В обзоре турецкой прессы, подготовленном итальянским журналом «Ориенте Модерно», отмечалось, что «подписание пакта о ненападении между СССР и Германией вызвало некоторое замешательство в турецкой печати». Так, стамбульская «Тан» в номере от 24 августа 1939 г. высказывала мнение, что заключение Советским Союзом пакта с Германией «было лишь действием, призванным остановить Германию, и оно не должно помешать заключению англо-франко-советского альянса»¹²².

Растерянностью турецких правящих кругов, вызванной сообщениями о заключении советско-германского пакта о ненападении, поспешила воспользоваться гитлеровская дипломатия. 23 августа 1939 г. германский посол в Турции Ф. фон Папен возвратился из Берлина в Стамбул, на следующий же день он встретился с министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу¹²³.

25 августа 1939 г. состоялся важный разговор Сараджоглу с полпредом СССР в Турции Терентьевым. Прежде всего, министр иностранных дел Турции поинтересовался, не имеет ли полпред «что-либо сообщить ему для доклада правительству по вопросу о советско-германском пакте о ненападении». Терентьев ответил, что никакого специального сообщения по этому вопросу он не имеет, но перепечатанные турецкой прессой статьи из газет «Известия» и «Правда» от 24 августа 1939 г., а также текст советско-германского пакта «полностью отвечают на интересующий министра вопрос». В целом неожиданное для Сараджоглу заключение советско-германского пакта привело министра иностранных дел Турции в полное замешательство. Как отметил Терентьев в своей телеграмме в Москву, «сейчас Сараджоглу совершенно подавлен, таким я его еще никогда не видел»¹²⁴.

Тем не менее, в руководящих кругах Турции по-прежнему не исключали возможности заключения как англо-франко-советского, так и турецко-советского договора о взаимопомощи против агрессии. В беседе с Терентьевым 25 августа Сараджоглу дал ответы турецкого правительства на поставленные в телеграмме Молотова от 11 августа вопросы относительно пакта о взаимопомощи между СССР и Турцией. Сараджоглу сказал, что планируемый к подписанию турецко-советский оборонительный пакт «может основываться на широком понимании агрессии» в соответствии со всеми определениями агрессии, предусмотренными Лондонской конвенцией 1933 г. Действие советско-турецкого пакта должно быть ограничено сотрудничеством в Черном море, в проливах и в Средиземном море. В этих районах «взаимопомощь

¹²⁰ ДВП. Т.22. Кн.1. С.622.

¹²¹ Documents diplomatiques français, 1932–1939. 2-e serie (1936–1939). P., 1985. T.18. P.340.

¹²² См.: Oriente Moderno. 1939. № 9. 494. Мнение турецкой газеты было весьма созвучно сообщению французского агентства Гавас из Москвы. Посол Франции в СССР П. Наджар в телеграмме министру иностранных дел Ж. Боннэ от 22 августа 1939 г. писал по этому поводу: «Агентство Гавас получило разрешение от советской пресс-службы опубликовать следующее: “Переговоры о договоре о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры. Речь идет о содействии делу мира: одно направлено на уменьшение международной напряженности, другое – на подготовку путей и средств борьбы с агрессией, если она произойдет”» (Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.305). В тот же день полпред СССР в Великобритании И. М. Майский телеграфировал в Москву: «Отношение к ... советско-германскому пакту (в британских правительственных кругах. – В. К.) на протяжении дня значительно изменилось. Первоначально это было понято как конец тройственным переговорам и переход СССР на позицию абсолютного нейтралитета с предоставлением Германии свободы действий в Европе. К вечеру стало преобладать мнение, что, в конце концов, никакой катастрофической перемены в ситуации не произошло, тройственные переговоры могут продолжаться и подписание тройственного пакта отнюдь не исключается, поскольку все советские пакты о ненападении содержат статью, предусматривающую возможность их немедленного аннулирования в случае совершения акта агрессии против третьей стороны одной из подписавших держав» (Там же. С.312). Однако опубликованный 24 августа 1939 г. центральными советскими газетами текст подписанного днем раньше «Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом» свидетельствовал, что в советско-германском пакте не было статьи, на которую так рассчитывали в Лондоне. Напротив, статья IV зафиксировала обязательство советской и германской сторон «не участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая будет прямо или косвенно направлена против другой стороны».

¹²³ См.: Oriente Moderno. 1939. № 9. 494.

¹²⁴ ДВП. Т.22. Кн.1. С.654.

может охватывать и морскую и сухопутную войны». В этих же пределах «пакт также может распространяться на войны, начатые в результате соответствующих обязательств». Разъясняя этот пункт, Сараджоглу заявил, что «в настоящее время обязательства Турции ограничены двумя декларациями: турецко-британской и турецко-французской и пактом Балканской Антанты»¹²⁵. Выполнение Турцией этих обязательств должно было бы приводить в действие также и турецко-советский пакт. Поэтому, сказал Сараджоглу, правительству СССР и предстоит теперь «решить, согласно ли оно с обязательствами, взятыми Турцией по декларациям с Англией, Францией и Балканскому пакту». Что касается нас, – заявил Сараджоглу, – то «мы хотели бы, чтобы советское правительство согласилось с нашими обязательствами по этим соглашениям». Излагая турецкую позицию по этому пункту, Сараджоглу сказал, что советско-турецкий пакт «может быть как независим от обоих трехсторонних пактов (англо-франко-советского и англо-франко-турецкого. – В. К.), так и в связи с ними. Тем не менее, даже в первом случае необходимо, чтобы турецко-советский пакт был в соответствии с положениями трехсторонних пактов». В любом случае «положения советско-турецкого пакта не должны находиться в противоречии с обязательствами Турции, принятыми ею по другим пактам»¹²⁶.

Сообщая в Москву о настроениях в общественном мнении Турции после заключения советско-германского пакта о ненападении, А. В. Терентьев писал, что они концентрируются вокруг слухов о возможности начала в самое ближайшее время «всеобщей войны»¹²⁷. «Неизбежной» назвал войну в Европе турецкий посол в Польше. В беседе с полпредом СССР в Варшаве Н. И. Шароновым 28 августа 1939 г. он сказал, что английское правительство допустило серьезные ошибки в переговорах с СССР¹²⁸.

Заключение советско-германского пакта и секретного тогда для всех остальных стран протокола к нему, предусматривавшего «разграничение сфер обоюдных интересов» СССР и Германии в Восточной Европе¹²⁹, по-видимому, позволило Советскому Союзу занять более жесткую позицию в вопросе о пограничном размежевании с Афганистаном, правительство которого настаивало на выполнении советской стороной статьи 9-й советско-афганского договора 1921 г., содержавшей обещание правительства Ленина «передать Афганистану принадлежавшие ему в прошлом столетии земли пограничного района»¹³⁰. В день подписания советско-германского пакта, 23 августа 1939 г., нарком иностранных дел СССР Молотов направил в ЦК ВКП (б) секретное письмо, в котором предложил проект постановления относительно того, как следует решить вопрос о линии прохождения границы между СССР и Афганистаном на всем ее протяжении. Вероятно, начавшаяся вскоре Вторая мировая война, а затем и вступление в нее Советского Союза на некоторое время отодвинули практическую реализацию предложений Молотова. Только 13 июня 1946 г. в Москве было подписано советско-афганское соглашение по пограничным вопросам, к которому прилагался протокол, признавший утратившими силу статьи 9 и 10 советско-афганского договора 1921 г.¹³¹

Из государств – членов Саадабадского пакта только в Иране, по словам временного поверенного в делах СССР в этой стране И. А. Карташева, «сообщение о подписании советско-германского пакта о ненападении было встречено со вздохом большого облегчения». Реза-шах даже уполномочил премьер-министра Ирана Джама и министра иностранных дел Аалаяма поздравить в лице Карташева правительство СССР с подписанием этого пакта. В письме Молотову от 27 августа 1939 г. Карташев сообщал, что «иранцы переживали переговоры СССР с Англией и Францией о заключении тройственного союза как настоящий кошмар, в котором им мерещился 1907 год, англо-русское соглашение о разделе Персии на сферы влияния». По словам Карташева, в связи с дискуссией о распространении действия англо-франко-советского пакта о взаимопомощи на случай косвенной агрессии «иранцы перепугались, как бы и они не попали под гарантии», и начали осаждать его, а также дипломатических представителей Франции и Англии в Тегеране вопросами. «Само собою разумеется, – писал Карташев, – что в моих беседах с Джамом и Аалаямом о московских переговорах о тройственном пакте я разъяснял им полную беспочвенность их выдуманных опасений, но тщетно. Они не могли отделаться от страха, который здесь вызывает одна только тень советско-английского сближения. Сейчас этот кошмар рассеялся, и иранцы глупо и наивно выражают мне свою радость»¹³².

Карташев сообщал, что иранцы испытывают особенное удовлетворение от подписания советско-иранского пакта потому, что «в настоящее время Германия занимает первое место во внешней торговле

¹²⁵ Обращает на себя внимание то, что в числе действовавших тогда международных обязательств Турции Сараджоглу не упомянул ее обязательства по Саадабадскому пакту.

¹²⁶ ДВП. Т.22. Кн.1. С.653-654.

¹²⁷ Там же. С.654.

¹²⁸ Там же. С.671.

¹²⁹ См.: Год кризиса, 1938–1939. Т.2. С.321.

¹³⁰ См.: ДВП. Т.22. Кн.1. С.255, 263, 264, 628; Советско-афганские отношения, 1919–1969 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С.30.

¹³¹ См.: ДВП. Т.22. Кн.2. С.540.

¹³² ДВП. Т.22. Кн.1. С.661.

Иран и монополизировал некоторые важнейшие отрасли иранского экспорта». Ориентировав в последний год свою торговлю главным образом в сторону Германии, писал советский поверенный в делах, иранские деятели опасались, как бы с подписанием англо-франко-советского пакта Иран не лишился возможности «дальнейшего маневрирования в сторону Германии». Сейчас им кажется, что «эта опасность миновала». Вместе с тем, указывал он, в связи с возросшей военной опасностью Иран стал делать «некоторые попытки завязывания шире торговли и с Англией»¹³³, а также попытки получения от англичан долгосрочных кредитов. В то же время, с сожалением констатировал Карташев, по-прежнему не происходит никаких позитивных перемен в области советско-иранских торговых отношений¹³⁴.

В целом, отмечал советский поверенный в делах, «перед лицом последних международных событий иранцы испытывали большую растерянность, и свой главный расчет строили на том, что авось из московских (англо-франко-советских. – В. К.) переговоров ничего не выйдет». Руководящие круги Ирана «не скрывали обиды на Турцию за присоединение ее к англо-французскому лагерю». «Иранцы понимают, – писал Карташев, – что с переходом Турции в лагерь англичан *Саадабадский пакт*, являющийся стержнем иранской внешней политики, *потерял свою целеустремленность*» (курсив мой. – В. К.)¹³⁵.

Итак, анализ источников позволяет сделать следующие основные выводы. В рассмотренный период общую ситуацию в Ближневосточной Антанте продолжали определять тенденции, уже проявившиеся раньше, на первом этапе предвоенного политического кризиса. С одной стороны, Турция и Ирак подтвердили взятый ранее курс на союз и всестороннее сотрудничество с Англией, а также с Францией. Кроме того, Ирак продолжил линию на развитие своих отношений с арабскими странами, особенно с Саудовской Аравией. С другой стороны, Иран и Афганистан продолжали подчеркивать свой нейтралистский внешнеполитический курс и нежелание вступать в союзные отношения с какими-либо государствами. При этом правительство Афганистана, подчеркивая абсолютный характер своего нейтралитета, на словах выражало солидарность с теми державами, которые выступали в защиту мира и не симпатизировали агрессорам. В то же время нейтралитет Ирана приобрел явно выраженный прогерманский характер.

Несостоявшееся вступление в Саадабадский пакт Египта объяснялось не только отсутствием у него общих границ с другими членами этого пакта, но и недостаточной активностью в этом вопросе самого египетского правительства, что объяснялось возникшими в нем разногласиями. Кроме того, на позицию Египта по вопросу об участии в Ближневосточной Антанте влияло отсутствие четко выраженной заинтересованности в присоединении Египта к Саадабадскому пакту со стороны государств – членов этого пакта, в том числе Турции. Источники не только не подтверждают, а, напротив, опровергают выдвинутый некоторыми историками тезис о наличии какой-то особой заинтересованности Англии во вступлении Египта в Саадабадский пакт.

В период предвоенного политического кризиса позиция Турции и ее отношения с Англией, Францией, СССР и другими странами в значительной степени определялись и зависели от хода англо-франко-советских переговоров о пакте взаимопомощи. Главной причиной того, что советско-турецкий пакт взаимной помощи, о заключении которого велись переговоры между представителями СССР и Турции, не был подписан, стал провал аналогичных англо-франко-советских переговоров, в свою очередь предопределенный глубоким взаимным кризисом доверия участвовавших в них сторон. Возможности советской дипломатии в странах Ближнего и Среднего Востока в данный период были существенно ослаблены вследствие продолжавшихся кадровых перемещений и репрессий в отношении части работников НКВД СССР.

¹³³ По сведениям итальянского посла в Турции, примерно в это время Иран приобрел у Англии 12 самолетов типа «Хоук» старой конструкции, не используемых в британской армии (DDI. V.12. P.572).

¹³⁴ ДВП. Т.22. Кн.1. С.662.

¹³⁵ Там же.